

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

Когда Милій Алексѣевичъ передавалъ остроумные, хлесткіе анекдоты Щербины, которые къ сожалѣнію, передать тутъ я не могу, т. к. живы дѣти тѣхъ людей, про которыхъ анекдоты эти были составлены.

Затѣмъ начинался концертъ, на которомъ онъ игралъ и то, что „заказано“ ему было кѣмъ-нибудь изъ насъ раньше, и то, что стояло въ программѣ, которую онъ составлялъ дома и приносилъ въ карманѣ.

Шопена, т. е. его лучшія произведенія, онъ такимъ образомъ, мало по малу проигралъ намъ всего, при чемъ Ballade f-dur, посвященную Роберту Шуману, игралъ много разъ и неизмѣнно, неизвѣстно почему, передъ началомъ, медленно потирая поднятыя къ груди руки, уже сидя за роялемъ, давалъ ей слѣдующее толкованіе: „У Шопена эта не програмная музыка, но я даю ей слѣдующее объясненіе: Мирная, красивая обстановка. Живетъ счастливая семья. Солнце. Живительный воздухъ. Вдругъ надвигается туча... Какія-то недоразумѣнія, споры.... Но туча проходитъ, недоразумѣнія разъясняются, и снова течетъ мирная, свѣтлая жизнь... Вдругъ опять туча... Этотъ разъ темнѣй и грознѣй... Разражается буря... Она разрушаетъ все... И... когда утихаетъ, остаются однѣ могилы. Нда! да! Однѣ могилы“...

Разъ какъ-то кто-то изъ моихъ друзей, когда Балакиревъ кончилъ играть, обратился къ нему съ вопросомъ:

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

— Милій Алексѣевичъ, а какую это Prélude Шопенъ написалъ, когда, на Майоркѣ. Жоржъ Сандъ съ маленькимъ сыномъ уѣхали въ горы, сдѣлалась страшная буря, — наступала ночь, — Шопенъ оставался одинъ, всякіе страхи за Жоржъ Сандъ охватили его..

— Не знаю-съ, — прерываетъ Балакиревъ.

— ...Чтобы забыться, — продолжаетъ рассказчикъ. Шопенъ сѣлъ за рояль и сталъ импровизировать... Вдругъ, дверь съ шумомъ отворилась, продрогшая и промокшая явилась Сандъ, съ своимъ Морисомъ, а Шопенъ такъ увлекся своимъ творчествомъ, что вскрикнулъ и встрѣтилъ ее словами: ah! je vous croyais morts. J'ai cru aux revenants...

Съ трудомъ выслушалъ Балакиревъ повѣствованіе о Сандъ, нѣсколько разъ хотѣлъ нетерпѣливыми: „гм-гм!“ — прервать его и подъ конецъ, точно весь рассказъ не имѣлъ никакого значенія, выговорилъ:

— Не знаю-съ! Не знаю-съ!... Да знаете что? (онъ откашлялся). Не выдумала ли Жоржъ Зандъ (онъ всегда твердо, по-нѣмецки, произносилъ мягкое, французское начальное С, —) всю эту исторію?...

И на улыбки и возгласы: „зачѣмъ?... къ чему ей!.. Нѣтъ“!

Онъ недовольно — раздраженнымъ, жесткимъ тономъ продолжалъ.

— Я ей не довѣряю-съ!.. Она въ своей жизни много-много лгала-съ!.. Впрочемъ, вы, можетъ, ее поклонница-съ?... прищуривая глаза, обратился онъ къ моему другу Екатеринѣ Петровнѣ О-вой, въ гостиной, которой онъ видѣлъ портретъ Сандъ во всемъ обаяніи молодости и красоты.

— Да! — послѣдовалъ отвѣтъ.

— И у Маріи Васильевны я тоже видѣлъ ее портретъ, — не то вопросительно, не то утвердительно, но медленно продолжалъ онъ, „ехидно“ глядя на меня.

Смѣясь, я поспѣшила сознаться.

— Есть, есть, Милій Алексѣевичъ... Только она уже старухой.

— Гм!.. произнесъ Балакиревъ. И вы, конечно, преклоняетесь передъ ее нравственностью, передъ ее теоріей... Вы ужъ забыли письмо Хомякова къ Тертію Ивановичу Филищову?...

Онъ чуть было не отвернулся отъ меня. Старческіе глаза его метали молніи.

— Ненавижу ее теорію! — прокричала я. — Чувствую омерзѣніе къ ее личному поведенію....

Балакиревъ перебилъ меня:

— Такъ передъ чѣмъ же-съ вы преклоняетесь?—Ну-съ?...

— Передъ ея талантомъ,—отвѣчала я,—передъ благородствомъ ея души... Мюссэ и она... Какая разница...

Меня поддержала гораздо болѣе ярая, чѣмъ я, поклонница Сандъ, Екатерина Петровна О-ва, но Балакиревъ не сдавался. Завязался споръ.

— А знаете, что Достоевскій написалъ про нее въ своемъ Дневникѣ?—спросила я.

— Нѣтъ-съ! Что жъ такое-съ?

— То, что каждая женщина,—статья появилась въ недѣлю ея смерти,—что каждая женщина должна была бы носить по ней трауръ!...

— Кто это написалъ?—спросилъ онъ и, узнавъ (первый разъ онъ, должно быть, не разслышалъ), что Достоевскій,—котораго онъ считалъ христіаниномъ,—какъ-то смѣшался и на мгновение замолчалъ.

— Ну такъ что же, что онъ написалъ... Я и знать не хочу-съ, что онъ написалъ!..—выговорилъ онъ вдругъ стремительно. Да, можетъ быть, вы о-ши-баа-етесь?—снова „съехидничалъ“ Милій Алексѣевичъ.—Это былъ не Достоевскій,—а кто-нибудь другой?...

Но я уже не терялась отъ его саркастическаго тона, какъ въ молодости.

— Нѣтъ, Достоевскій. Онъ написалъ о ней статью въ Дневникѣ Писателя. Я сама ее читала,—сказала я.

— Ну, такъ мало ли что-съ!.. — Балакиревъ постучалъ ладонью руки о столъ.—Вы помните ли, что писалъ-съ Хомяковъ?.. Ну то-то-съ!—увидѣвъ, что я помню статью, смягчился онъ и заговорилъ уже спокойнѣе.—Я еще знаю... тоже ея поклонницу... Это дочь Владиміра Васильевича Стасова. Она написала о ней цѣлую книгу.

Мы вмѣстѣ заговорили, что знаемъ, что книга эта у насъ есть, и... инцидентъ былъ исчерпанъ.

Съ этой минуты, не знаю какъ съ другими, но со мной Балакиревъ никогда уже не затрогивалъ вопроса о Сандъ, только разъ, по поводу кладбища, гдѣ дурная женщина приказала похоронить себя рядомъ съ семьей человѣка, котораго она любила, онъ сказалъ:

— А какъ же съ теоріями Сандъ?,—но увидѣвъ въ моихъ глазахъ вѣрно ту же „молнію“, которая зажигала его, когда

онъ возмущался,—онъ сконфуженно протянулъ:—да! вѣдь вы преклоняетесь передъ ней, какъ передъ писааа-тельницей...

И тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи же, узнавъ, что въ моей маленькой, интимной комнатѣ, у письменнаго стола на стѣнѣ висятъ портреты Шекспира, Ж. Сандъ и его самого,—онъ только, благодушно улыбаясь, сдѣлалъ: гм-гм!... Ну такъ что же-съ!... поднялъ плечи, потянулъ на колѣняхъ сюртукъ, и не сказалъ ужъ ни одной колкости.

Кромѣ насъ онъ часто, каждый понедѣльникъ, днемъ, игралъ у Григорія Григорьевича Даниловича, бывшаго (теперь покойнаго) воспитателя Государя Николая II и, уходя отъ него, иногда заходилъ къ намъ, ко мнѣ на минутку.

— Зачѣмъ вы играете Даниловичу?—какъ-то спросилъ его кто-то у насъ. (Даниловичъ почти или за рѣдкими исключеніями всегда одинъ, безъ гостей, пользовался игрой Балакирева). Развѣ онъ такъ понимаетъ музыку?

Милій Алексѣевичъ кашлянулъ—крякнулъ. Его правдивости была, такъ сказать, поставлена западня, ловушка или жестокое испытаніе.

— То есть, онъ не столько понимаетъ-съ ее,—хотя тоже и понимаетъ-съ, да-да!.. сколько любитъ—ее... Нда!—медленно серьезно отвѣтилъ Балакиревъ.—А главное въ немъ есть то, что онъ удивительно слушаетъ. Удивительно-съ... Съ вниманіемъ. Нда, да!. А потомъ-съ—(Милій Алексѣевичъ опять откашлянулся—крякнулъ)—за это, за мою музыку онъ устраиваетъ для меня маленькія дѣла-съ... (И видя непритворное изумленіе въ нашихъ глазахъ, онъ добавилъ съ легкой улыбкой). Я беру-съ съ него взятки... У меня былъ больной. Ему ампутировали ногу. А средствъ сдѣлать механическую ногу не было-съ. И вотъ Григорій Григорьевичъ помогъ—сдѣлать эту ногу. Выхлопоталъ нужную сумму... у Государя.

— Ну, это съ его стороны очень мило!—сказалъ кто-то изъ насъ.

— Ну, вотъ видите-съ...—вымолвилъ Балакиревъ довольнымъ тономъ и продолжалъ:—И онъ мнѣ не одинъ разъ помогалъ, а много разъ...

Разговоръ зашелъ о Даниловичѣ.

— Онъ умный, но... хитрый, себѣ на умѣ,—безъ политическихъ идеаловъ человѣкъ, сказалъ кто-то. И потомъ у него всю жизнь было: моя хата съ краю...

Балакиревъ засмѣялся.

— Знаете, онъ представляется мнѣ Остерманомъ,—сказалъ онъ.

— Жаль!..—сказала я, помня, сколько добраго, высокаго, прекраснаго, стойкаго вложилъ въ мое сознание, въ мою юную душу Милій Алексѣевичъ своими разговорами.

Балакиревъ поднялъ плечи и развелъ руками.

— Ничего не подѣлаешь!..

А я, глядя на него, подумала: ты говоришь сейчасъ „ничего не подѣлаешь“, а въ душѣ у тебя совершаются тѣ слова, которыя когда-то, когда я была молода, и мы на мигъ, послѣ одного политическаго спора, остались одни, — ты сказалъ мнѣ: значить, такъ Богу угодно. Надо молиться... Тутъ одно можетъ помочь: молитва...

Милій Алексѣевичъ точно понялъ мою мысль и, поглядѣвъ на меня, проговорилъ:

— Рано-съ или поздно—это такъ и случится...

...Кромѣ дней, назначенныхъ для музыки, иногда Балакиревъ заходилъ ко мнѣ невзначай, просто посидѣть вечеркомъ, и тогда я прозрѣвала въ немъ, такъ сказать, не великаго композитора, не учителя высокихъ идеаловъ, а того обыкновеннаго человѣка, слуха котораго не коснулся еще божественный глаголъ (перефразируя слова Пушкина) и который мнѣ изъ прежнихъ лѣтъ мало или совсѣмъ не былъ знакомъ.

Такъ я помню, какъ разъ онъ пришелъ въ то время, когда всѣ мы были „по уши“ заняты шарадами, въ костюмахъ, которые намъ устраивали мои дѣти и ихъ маленькіе друзья: двѣ маленькія дочери барона И. ф. Г. Мара М—ва, Леля Гр.—ъ и Ника Ч—въ. Хуже гостя, въ такую минуту, какъ Милій Алексѣевичъ, нельзя было себѣ представить, и если бы пришелъ кто изъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, я, кажется, меньше смутилась бы, чѣмъ при докладѣ лакея:

— Господинъ Балакиревъ.

Но мнѣ не хотѣлось нарушать веселья дѣтей и главное ихъ подруги Мары, девятилѣтней институточки, отпущенной къ роднымъ на праздники, и на вопросы дѣтей: значить, играть больше нельзя?.. Надо бросить?..—я отвѣчала:

— Нѣтъ, играйте, кончайте эту шараду. Ничего. Онъ тоже посмотреть...

Лакей ввелъ Милія Алексѣевича въ кабинетъ и... тутъ сразу сталъ вылупливаться, выливаться въ форму обыкновенный, повседневный человѣкъ, домашній, такъ сказать, Милій Алексѣевичъ.

Увидѣвъ костюмированныхъ дѣтей, онъ даже вздрогнулъ и, какъ-то невольно и испуганно поднявъ плечи, проговорилъ:

— Я, кажется, не во время-съ?

На мои же слова, что нѣтъ, ничего, что это мои дѣти и ихъ друзья представляютъ намъ шарады, что они сейчасъ перестанутъ, что я не хочу только лишиться ихъ удовольствія окончить это представленіе, эту загадку, онъ только дѣлалъ свои гм-гм!.. скрестилъ руки на груди, сѣлъ въ кресло и, поводя серьезными старческими глазами и неодобрительно пожимая плечами, сталъ слушать дѣтскую импровизацію.

А дѣти замѣчали его недружелюбное отношеніе, смущались и путались, путались больше, чѣмъ могли бы, не будь онъ, видимо для всѣхъ, такъ строгъ и недоброжелателенъ.

Теперь, послѣ его смерти, я поняла его тогдашнее настроеніе. Онъ приходилъ и къ намъ, и къ другимъ своимъ друзьямъ для того, чтобы забыть, стряхнуть съ себя все обыденное, все житейское, все мелочное, тяжелое, давившее его. Въ гостяхъ и принимая у себя гостей, онъ хотѣлъ одного:— „подышать“, такъ сказать, свѣжимъ воздухомъ, забыть свое повседневное „я“ и отнюдь не увидѣть это повседневное „я“ въ другихъ.

Безсемейный человѣкъ въ томъ смыслѣ, что онъ не былъ женатъ и не имѣлъ своихъ дѣтей, онъ зналъ всю пошлую, непривлекательную сторону семейной, такъ сказать, совмѣстной жизни съ разными людьми, доводившимися ему родственниками и родственницами и, зная ее хорошо, онъ ненавидѣлъ эту жизнь, бросалъ ее, потомъ снова окунался въ нее, иногда изъ чувства жалости къ бѣдной или одинокой, небогатой роднѣ, и черезъ нѣкоторое время снова порывалъ все и оставался одинъ.

Не пользуясь дома желаемымъ, отъ друзей своихъ онъ требовалъ одного: высоты помысловъ и пониманія религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ, музыкальныхъ, отвлеченныхъ и пр. вопросовъ.

Личная, субъективная жизнь его друзей (кромѣ болѣзней, смертей и т. д., и то въ краткомъ, конспектномъ, такъ сказать, изложеніи) его не интересовала.

Хорошо, и слава Богу. Нехорошо, надо лѣчиться, или сдѣлать то-то или то-то. Нельзя,—такъ надо покориться-съ волѣ Божіей.

Но жить этой жизнью, но мало мальски соприкасаться съ нею, входить въ нее,—Балакиревъ не желалъ, какъ не желалъ, чтобы знали его жизнь, соприкасались съ его жизнью, входили

въ нее. Онъ ставилъ между нею и друзьями глухую стѣну, не допуская даже жившихъ у него родныхъ присутствовать на музыкальныхъ вечерахъ, которые онъ давалъ у себя дома, никогда не знакомя ихъ со своими друзьями, неохотно отвѣчая даже друзьямъ на разспросы, есть ли у него братья, сестры, замужемъ ли онъ и т. д. требуя (безъ словъ), такъ сказать, инстинктивно этого же умолчиванія отъ друзей, относительно ихъ жизни.

Придя въ описываемой мною вечеръ ко мнѣ,—онъ первый разъ засталъ меня, моихъ дѣтей и друзей въ нашей домашней обстановкѣ, въ жизненной атмосферѣ, и нетерпимость его и нежеланіе его раскрывать стѣны этой жизни проявились.

Дѣти, между тѣмъ, продолжали свое представленіе, и моя младшая дочь очень мило, удачно одѣтая и загримированная Мефистофелемъ, вошла въ кабинетъ и направилась къ героинѣ парады маленькой Марѣ М—вой.

— Ахъ,—Боооже мой!.. — протянулъ Милій Алексѣевичъ, поднимая при видѣ Мефистофеля руки и вновь скрещивая ихъ.

— Ахъ, какъ здѣсь много „чертовъ“, увидя того же Мефистофеля, проговорила Мара,—прекрасно говорившая по-французски и еще плохо владѣвшая русскимъ языкомъ.

Но этого Балакиревъ ужъ не въ состояніи былъ вытерпѣть. Онъ вскинулъ на меня сердитыми глазами и нѣсколько разъ громко и отчетливо, глядя направо и налево, повторялъ съ негодованіемъ:

— Чертовъ!.. Чертовъ!.. Это что же-съ? Чертей что ли?.. Чертовъ!.. Гм-м-м. Да она француженка-съ у васъ?—закончилъ онъ вопросомъ.

— Нѣтъ...—нѣтъ...—отвѣчала я торопливо, — совершенно русская.

Шараду скомкали, кончили, и я поспѣшила увести Милія Алексѣевича въ гостиную, чтобы онъ не сказалъ чего-нибудь лишняго, рѣзкаго обиднаго для дѣвочки и ея родителей.

Въ другой разъ Балакиревъ засталъ насъ за игрой въ шахматы. Играли дѣти съ Д. А. Оз—вымъ, а мы, т. е. я и жена Д. А.—Е. П. Оз—ва были тутъ же...

Балакиревъ поздоровался со всѣми и метнулъ такой взглядъ на шахматную доску, что и мои дѣти тотчасъ ушли, и доска была моментально сложена и убрана.

— Какъ онъ ненавидитъ игру, какая бы она ни была!— сказала я себѣ... А много лѣтъ позднѣе, уже послѣ его смерти, я узнала, что онъ самъ былъ большой любитель игры въ

шашки и часто по вечерамъ игралъ дома въ нихъ со своими родственницами!..

Такъ сложна и непослѣдовательна бываетъ человѣческая природа. Такъ много разныхъ „я“ въ одномъ человѣкѣ. Такъ вѣрно то: что одно „я“ въ человѣкѣ знаютъ близкіе, домашніе, другое—знакомые, третье самъ человѣкъ, четвертое, невѣдомое самому человѣку,—Богъ.

Тутъ, невольно, хочется мнѣ припомнить апокрифическій разсказъ про Іоанна Богослова, какъ кто-то, много слышавшій о немъ, пріѣхалъ издалека, чтобы повидать его, поучиться у него, и какъ засталъ его въ его убогомъ помѣщеніи полулежащимъ на жесткомъ ложѣ и играющимъ съ ручной птичкой. Птичка то прилетала, садилась на его плечи, руки, голову, то улетала, а св. апостолъ, улыбаясь, смотрѣлъ на нее и ласкалъ ее нѣжными словами.

Какъ ни выжидалъ римлянинъ вдохновеннаго слова, какъ ни долго оставался, такъ онъ ничего и не дождался.

А потомъ, когда онъ ушелъ, и ученики спросили Іоанна Воаноргеса, т. е. сына Грома, какъ назвалъ его Спаситель,—отчего онъ ничего не сказалъ гостю?—Іоаннъ отвѣчалъ:

— „Я тоже человѣкъ, и мнѣ тоже нуженъ отдыхъ“.

...Балакиревъ, въ этомъ смыслѣ, представлялъ полную противоположность апокрифическому апостолу: шашки для него были отдыхомъ, но онъ не хотѣлъ, чтобы чужіе, даже друзья знали объ его отдыхѣ, какъ не хотѣлъ видѣть, знать объ отдыхѣ другихъ!..

Княгиня М. П. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

